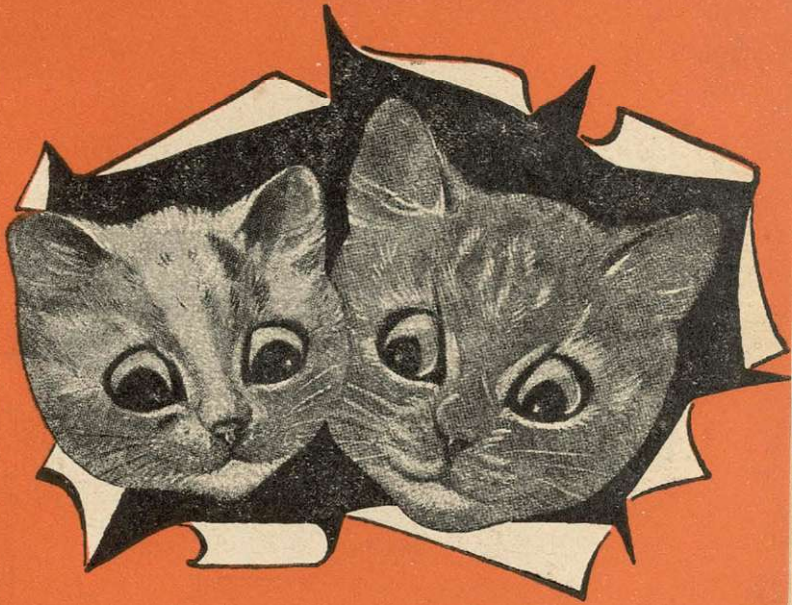

№ 9

МАРТЪ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КАКЪ ДОБЫВАЕТСЯ УГОЛЬ
ВЕСНА ИДЕТЬ!
ПОДРУГИ (повѣсть).
КУКЛА.
КОРОВУ КУПИЛИ.
РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Городокъ для склеиванія (продолженіе).

«Въ дѣтской» — статьи для родителей по уходу за здоровымъ больнымъ ребенкомъ (листъ 3-

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

КАКЪ ДОБЫВАЕТСЯ УГОЛЬ.

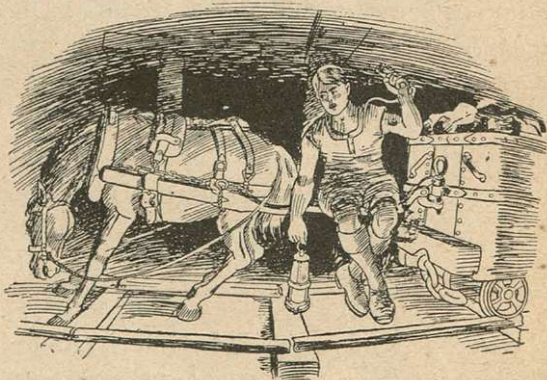
Шестьчасовъ утра. Со всѣхъ рудниковъ доносится шипѣнье пара въ котлахъ и машины готовятся къ работѣ. Юноша-рабочій только

что поднялся съ постели и собирается на цѣлый день подъ землю. Онъ одѣлся, перекинулъ черезъ плечо небольшую сумку съ ѣдой, сунулъ въ карманъ бутылку и, прицѣпивъ къ поясу плетку, весело прощается съ родными и отправляется въ рудникъ.

Небольшая, угрюмая деревенская улица, по которой онъ проходитъ къ руднику, такова-же, какъ и во всѣхъ

другихъ деревняхъ, около которыхъ добывается каменный уголь: грязная, черная отъ угольной пыли и убогая. Невдалекѣ громадныя печи, изрыгающія большія количества дыма, и когда вы подойдете къ самому руднику, то увидите цѣлые ряды сараевъ съ желѣзными крышами, два или три дома изъ кирпича, какія-то странныя колеса, блоки и машины и цѣлыя горы угольной пыли, шифера и земли.

Прійдя къ руднику, юноша первымъ дѣломъ входитъ въ будку надъ шахтой и выкрикиваетъ номеръ своей лампы, которую ему и подаютъ. Существуетъ три рода лампъ, употребляемыхъ для работъ подъ землей—это электрическая, затѣмъ «Глени» и «Дэви». Лампа «Дэви» считается у рудокоповъ самой подходящей и

потому употребляется почти во всѣхъ рудникахъ всего міра. Электрическая лампа даетъ отличный яркій свѣтъ и далеко оставляетъ за собою двѣ другія лампы, но зато очень тяжела, вѣситъ цѣлые три фунта, и небезопасна, такъ какъ въ галлерейхъ подъ землей скопляются газы и мельчайшія пылинки угля, которые воспламеняются при малѣйшей неисправности въ этой лампѣ. Поэтому-то старосты, главные надсмотрщики и другія лица, отвѣтственные за чистоту воздуха въ галлерейхъ, не особенно ее долюбиваютъ. «Дэви» — очень старинная лампа, но зато и самая удобная и самая безопасная изъ всѣхъ, хотя свѣтитъ такъ тускло, что къ ея свѣту еще нужно привыкать. Изобрѣтатель этой лампы — Дэви замѣтилъ, что если пламя свѣчи или лампы закрыть сверху и съ боковъ густой проволоочной сѣткой, то оно уже не можетъ выскочить изъ-за сѣтки наружу и воспламенить частички угля въ воздухѣ, но зато частички угля могутъ пройти сквозь сѣтку внутрь къ самому пламени и воспламениться. Только отъ вспыхиванія ихъ гаснетъ и само пламя. Такимъ образомъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ опасности не представляется: въ первомъ случаѣ пламя лампы вовсе не зажигаетъ воздуха въ рудникѣ, а въ другомъ — воспламенившійся подъ сѣткой воздухъ рудника гаситъ и самую лампу. И какъ только у рудокопа гаснетъ во время работы такая лампа Дэви, то онъ уже и знаетъ, что ему

нужно быть осторожнымъ, потому что воздухъ въ шахтѣ не чистъ.

Получивъ лампу, юноша отправляется за своимъ номеромъ. Каждый рабочій имѣетъ свой номеръ и передъ началомъ работы беретъ его въ конторѣ и передаетъ затѣмъ надзирателю. Это — металлическій кружокъ, величиною съ пятикопѣчную монету, на которомъ выбита цифра. Получивъ отъ рабочихъ эти кружки, надзиратель уже знаетъ, кто изъ нихъ явился на работу и когда именно началъ и окончилъ свой трудовой день, и кто не пришелъ на работу совсѣмъ.

Послѣ этого юноша отправляется ко входу въ шахту. Здѣсь уже столпилось много такихъ-же молодыхъ людей, какъ и онъ, и всѣ они ждутъ своей очереди, чтобы спуститься подъ землю. Спускаются они посредствомъ подъемной машины, которая поднимается вверхъ и опускается внизъ точно такъ-же, какъ и въ нѣкоторыхъ высокихъ домахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ шахтахъ всегда дѣйствуютъ двѣ машины рядомъ; въ то время, когда опускается одна, — поднимается другая, и наоборотъ. На этихъ-же машинахъ поднимается изъ шахты и уголь.

Юноша спускается внизъ съ быстротою 700 футовъ въ минуту. Вдругъ на встрѣчу ему изъ глубины поднимается свѣтъ и затѣмъ слышенъ шумъ. Это вторая подъемная машина, полная людей, встрѣчается съ первой:

значить пройдена еще только половина пути. А послѣ этого, по мѣрѣ подъема кверху второй машины первая опускается все тише и тише и наконецъ останавливается на самомъ днѣ шахты совсѣмъ.

Выйдя изъ подъемной машины, юноша отправляется прямо въ конюшню, которая находится тутъ-же невдалекѣ, подъ землей, и взявъ свою лошадь, начинаетъ ее запрягать. И такъ удивительно бываетъ для всякаго новаго посѣтителя шахты, что тамъ, глубоко подъ землей, безвыходно живутъ лошади и всю свою жизнь уже не видятъ дневного свѣта! Но онѣ тамъ пользуются хорошимъ уходомъ, хотя, вѣроятно, и чувствуютъ, что онѣ тамъ узники, обреченные въ заточеніе на всю ихъ жизнь, и скучаютъ.

Запрягши лошадей, всѣ рабочіе становятся въ длинную вереницу и по очереди входятъ съ ними въ рудникъ. Отправляются они по пѣшеходной дорогѣ, идущей рядомъ съ дорогой рельсовой, отдѣляющейся отъ нея только стѣною изъ запасовъ угля.

Оставимъ всѣхъ этихъ рабочихъ слѣдовать по пѣшеходной дорогѣ, а сами пойдемъ по рельсовой.

Отъ самой подъемной машины и далеко-далеко въ глубь земли тянутся рельсы и теряются во мракѣ. По этимъ рельсамъ въ особыхъ вагонеткахъ подвозится уголь съ мѣста его добычи къ выходу изъ шахты. Первое, что вы видите при слабомъ свѣтѣ

вашей «Дэви»—это стальной канатъ, тянущійся между двухъ рельсъ и теряющійся далеко во мракѣ.

— Что это такое? спросите вы проводника.

И онъ вамъ объяснитъ, что это канатъ, который тянетъ на себѣ цѣлые поѣзда вагонетокъ съ углемъ съ самаго мѣста его добычи и вплоть до самой шахты, гдѣ помѣщается подъемная машина.

— А много-ли онъ можетъ потянуть вагонетокъ сразу? спросите вы.

— Въ этомъ рудникѣ—шестьдесятъ за одинъ разъ, послѣдуетъ отвѣтъ,— но въ другихъ рудникахъ и больше. Все зависитъ отъ числа рабочихъ. Чѣмъ больше рабочихъ добываютъ уголь, тѣмъ больше погружается ими вагонетокъ.

Вы замѣчаете, что стальной канатъ начинаетъ двигаться со страшной быстротой, такъ что совершенно невозможно различить, въ какую сторону онъ движется. И чтобы удовлетворить вашему любопытству, проводникъ слегка прикасается ногой къ канату и, видя, въ какую сторону отскакиваетъ его нога, вы поймете, куда движется канатъ.

— Берегитесь! обращается онъ къ вамъ затѣмъ.—Идетъ поѣздъ съ углемъ!

Вы слышите вдалекѣ шумъ колесъ и бряцанье, и прежде чѣмъ вы успѣваете сообразить, какъ вамъ поступить, чтобы не попасть въ тѣснотѣ подъ поѣздъ, какъ васъ уже вталкиваютъ въ дыру, вырубленную сбоку,

въ стѣнѣ. Такія дыры сдѣланы вдоль всего туннеля, по которому проложены рельсы, на пространствѣ каждаго тридцати шаговъ, чтобы каждый человѣкъ, при встрѣчѣ съ поѣздомъ, могъ легко отъ него укрыться. Шумъ становится оглушительнымъ и въ страшной темнотѣ, внушая неопытному человѣку ужасъ, мимо васъ съ быстротою желѣзнодорожнаго поѣзда мчится поѣздъ вагонетокъ груженный углемъ. И первое, что бросается вамъ въ глаза—это фигура юноши,

отчаянно прицѣпившагося на самомъ канатѣ и ухватившагося одной рукой за край вагонетки, а другой держащаго лампу. Это—кондукторъ поѣзда. Онъ наблюдаетъ за его движеніемъ и если что-нибудь вдругъ случится въ дорогѣ, напримѣръ, одна изъ вагонетокъ сойдетъ съ рельсъ, онъ тотчасъ-же поднимаетъ руку къ потолку туннеля и дергаетъ за проволоку проведенную къ тому мѣсту, гдѣ находится машина, которая тянетъ канатъ.

— Стопъ!

И машинистъ тотчасъ-же останавливаетъ машину.

Вы выходите изъ своей дыры и отправляетесь далѣе вдоль туннеля. Скоро вы замѣчаете, что канатъ вовсе пересталъ двигаться.

— Что случилось? спрашиваете вы.

— А это поѣздъ уже доѣхалъ до подъемной машины, отвѣтитъ вамъ проводникъ. — Сейчасъ кондукторъ прицѣпитъ къ канату пустой поѣздъ и онъ съ порожними вагонетками промчится мимо насъ обратно. А тѣмъ временемъ доставленный имъ поѣздъ будутъ въ шахтѣ разгружать.

И пока проводникъ объясняетъ вамъ это, канатъ снова начинаетъ двигаться, но уже въ обратную сторону, васъ снова толкаютъ въ дыру въ стѣнѣ и мимо васъ снова мчится поѣздъ уже изъ пустыхъ вагоновъ, направляющійся къ мѣсту добычи угля.

Послѣ этого вы выходите изъ своей дыры и продолжаете свой путь. Скоро вы подходите къ тому мѣсту, гдѣ на рельсахъ установлены стрѣлки и гдѣ отъ главнаго пути идетъ рельсовая вѣтка въ сторону—именно въ тѣ мѣста, гдѣ производится самая добыча угля. Здѣсь уже проложенъ двойной путь рельсъ, одинъ для груженныхъ вагоновъ, а другой для пустыхъ, и самая тяга производится не посредствомъ каната, а уже лошадьми. Это похоже на одинъ изъ тѣхъ разъѣздовъ, которые устраиваются въ городахъ для конки. Далѣе двойной путь переходитъ снова въ одиноч-

ный и спрятавшись снова раза три или четыре въ дырки по стѣнамъ, чтобы пропустить лошадь съ вагономъ, вы попадаете на площадку. Здѣсь уже необходимо дожидаться надзирателя, который завѣдуетъ всѣми работами своей части рудника, и вы останавливаетесь около ящика, въ которомъ онъ хранитъ орудія добыванія угля. Далѣе уже вы не смѣете идти до тѣхъ поръ, пока надзиратель лично не провѣритъ ваши лампы и не убѣдится, что онѣ исправны и безопасны.

И пока вы сидите у ящика, мимо васъ то и дѣло проѣзжаютъ взадъ и впередъ юноши съ груженными и порожними вагонетками, которые погоняютъ своихъ лошадей. На подпоркѣ висятъ на веревочкахъ металлическіе кружочки съ цифрами. Выгрузивъ вагонетку, погонщикъ беретъ съ гвоздя кружочекъ, кладетъ его на дно пустой вагонетки и везетъ ее къ мѣсту добычи угля. Тамъ минеръ или тотъ, кто добываетъ уголь, беретъ этотъ кружочекъ себѣ и снова наполняетъ вагонетку углемъ. И сколько у минера окажется впоследствии такихъ кружочковъ, столько, значитъ, вагонетокъ угля онъ добылъ и за столько вагонетокъ долженъ получить денегъ за труды.

Тѣмъ временемъ приходитъ надзиратель. На его обязанности лежитъ слѣдить за чистотой воздуха подъ землей въ его участкѣ а также за тѣмъ, чтобы погонщики не дремали, а работали безостановочно, и чтобы

въ рудникѣ всегда имѣлись бревна и доски для того, чтобы подпереть во время стѣны и потолокъ и тѣмъ предупредить обвалъ земли на рабочихъ. Онъ приходитъ въ рудникъ за часъ раньше всѣхъ другихъ рабочихъ и обязанъ тщательно оглядѣть всѣ закоулки своего участка и убѣдиться, нѣтъ-ли въ нихъ газа. Затѣмъ онъ

выходитъ къ своему ящику съ инструментами и начинаетъ поджидать рабочихъ. Тщательно провѣривъ ихъ лампы, онъ вручаетъ каждому изъ нихъ инструменты и размѣщаетъ всѣхъ ихъ по мѣстамъ, гдѣ кому и что именно работать.

Но вотъ надзиратель осмотрѣлъ вашу лампу и далъ вамъ разрѣшеніе

войти въ то самое мѣсто, гдѣ происходитъ добыча угля.

Передъ вами дверь. У двери мальчикъ. Онъ то и дѣло отворяетъ и затворяетъ эту дверь, чтобы впустить черезъ нее и выпустить погонщиковъ съ лошадьми и вагонетками, о которыхъ шла рѣчь выше. Вся его обязанность заключается въ томъ, чтобы слѣдить за этой дверью и не позволять ей оставаться открытой болѣе, чѣмъ на одну минуту. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы эта дверь осталась отворенной на болѣе долгій промежутокъ времени, то весь воздухъ, находящійся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ковыряются, какъ кроты въ землѣ, минёры, выскочилъ-бы оттуда вонъ и они задохнулись-бы тамъ на смерть. Отсюда ясно, какая это отвѣтственная работа слѣдить за дверью, ведущею въ самый рудникъ.

Вмѣстѣ съ порожней вагонеткой, которую тянетъ лошадь, вы проходите черезъ эту дверь въ рудникъ. Здѣсь туннель уже много ниже и уже и то и дѣло по бокамъ его виднѣются узкіе корридорчики, ведущіе къ работамъ. Эти корридорчики развѣтвляются на другіе корридорчики и, чтобы дать дорогу лошадямъ и вагонеткамъ, вы каждую минуту должны спасаться въ одинъ изъ такихъ корридорчиковъ. Здѣсь вы замѣчаете, что рельсы, по которымъ движутся вагонетки, сдѣланы уже на скорую руку и трудъ погонщиковъ увеличивается еще и тѣмъ, что имъ то и дѣло приходится собственными силами

втаскивать вагонетки на эти рельсы, съ которыхъ онѣ поминутно сходятъ. Но иначе и быть не можетъ, потому что стоитъ только вынуть изъ даннаго мѣста весь уголь, какъ эти рельсы переходятъ на другое мѣсто, въ другую нишу, гдѣ есть еще невыбранный уголь.

Наконецъ мы подходимъ къ самому мѣсту добычи, туда, гдѣ минёръ, вооружившись киркой, вырубаетъ ею изъ земли уголь. Онъ сидитъ на маленькой скамеечкѣ, близко придвинувшись къ углю, и изъ всѣхъ силъ ударяетъ въ стѣну. Воздухъ здѣсь очень тяжелый. И въ промежутокъ времени, пока уѣдетъ отъ него погонщикъ съ груженнымъ вагономъ и пріѣдетъ съ порожнимъ, онъ поднимается на ноги, чтобы расправить члены, и качается при этомъ, какъ пьяный. Это—ужасно тяжелая работа. И надо только удивляться, какъ эти труженики, весь день проведеніе подъ землей въ удушливой атмосферѣ, отъ которой у нихъ постоянно кружится голова,—могутъ такъ весело шутить, выйдя по окончаніи работъ на воздухъ! И, глядя на нихъ, кажется, что нѣтъ ни одного такого ремесла, къ которому пристрастились-бы такъ рабочіе, какъ привязываются рудокопы къ добыванію угля. Начиная съ главнаго инженера и кончая самымъ послѣднимъ погонщикомъ—мальчуганомъ, всѣ въ шахтѣ любятъ свое дѣло и работаютъ съ увлеченіемъ. Повсюду кипитъ вѣчное оживленіе, слышатся пѣсни, прибаутки, остроты...

Когда рудокопы находятъ воздухъ особенно невыносимымъ, они обращаются съ жалобой къ надзирателю, который принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ устройству вентиляціи. Но рѣдкій рабочій ворчитъ на спертость воздуха, потому что знаетъ, что стоитъ только ему поворчать и всегда найдутся нѣсколько смѣльчаковъ, которые охотно займутъ его мѣсто и онъ останется вовсе безъ работы. Поэтому-то рудокопы почти всегда блѣдны, хотя въ общемъ далеко не жалуются на здоровье. Главное несчастіе—это упадокъ зрѣнія, которое становится съ теченіемъ времени слабымъ, благодаря постоянному напряженію его въ полутьмѣ: лампа Дэви даетъ такъ мало свѣта, что приходится приглядываться и напрягать глаза.

Опредѣленнаго часа для обѣда почти во всѣхъ шахтахъ не существуетъ: рудокопъ беретъ ѣду съ собою подъ землю и тамъ подкрѣпляетъ ею свои силы, когда захочетъ. Но за работой рудокопъ часто даже забываетъ поѣсть и вспоминаетъ объ этомъ только тогда, когда видитъ, какъ ѣдятъ другіе, или-же тогда, когда наступаетъ уже время идти домой.

Что касается вентиляціи, то она бываетъ естественная или искусственная. Естественная состоитъ въ томъ, что галлерей, въ которой добывается уголь, имѣетъ выходы на поверхность земли съ двухъ своихъ противоположныхъ сторонъ и поэтому галле-

рею просто продуваетъ воздухомъ съ обоихъ концовъ, вотъ и все. Но такой вентиляціи часто бываетъ недостаточно, потому что при ней воздухъ не всегда попадаетъ въ самыя отдаленныя норки, въ которыхъ находятся рудокопы. Съ этою цѣлью въ шахтахъ устраиваются каминны, которые непрестанно горятъ и этимъ способствуютъ тягѣ воздуха. А чтобы каминны горѣли, къ нимъ съ поверхности земли проводятся трубы, по которымъ притекаетъ къ нимъ воздухъ, необходимый для горѣнія каждой печки. Кромѣ каминновъ, въ шахтахъ устанавливаются еще колеса съ лопастями, какъ крылья у мельницы. Паровыя машины приводятъ эти колеса въ движеніе и они такъ волнуютъ воздухъ въ шахтѣ, что онъ начинаетъ тянуться изъ конца въ конецъ и вся шахта освѣжается. Кромѣ этихъ колесъ у входа въ шахту устанавливаются еще такъ называемыя пневматическія машины, которыя приводятъ въ движеніе паромъ и нагнетаютъ свѣжій воздухъ по всѣмъ галлерейамъ. А такъ какъ воздухъ всегда отыскиваетъ для своего движенія самое кратчайшее разстояніе, то ему нарочно преграждаютъ путь дверью и заставляютъ его идти обходнымъ путемъ по другимъ боковымъ галлерейамъ. Черезъ такую-то именно дверь вы и прошли, когда захотѣли посмотреть, какъ работаетъ въ своей норѣ рудокопъ. Но какъ-бы хорошо ни была сдѣлана вентиляція, все-же подъ землею жарко и душно и чѣмъ дальше

вы зашли вглубь галлерей, тѣмъ вамъ труднѣе сдѣлалось дышать.

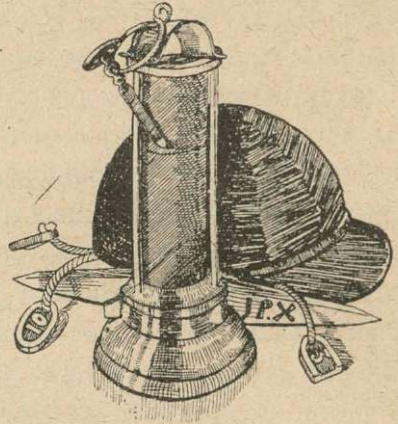
И когда, насмотрѣвшись на работы подь землей, вы тѣмъ-же путемъ выходите обратно на воздухъ, то свѣтъ солнца кажется вамъ еще свѣтлѣе и вы полной грудью начинаете вдыхать въ себя свѣжій воздухъ.

А что-же тотъ юноша, который вышелъ на работу въ шесть часовъ утра? О, онъ останется подь землею до самаго вечера и уже не увидитъ сегодня дневного свѣта совсѣмъ. Когда же онъ вернется домой, то будетъ уже вечеръ, темно, а когда пойдетъ завтра снова на работу, то еще едва только станетъ разсвѣтать. И такъ протечетъ вся его жизнь. Изъ погонщика онъ сдѣлается кондукторомъ, изъ кондуктора—рудокопомъ и когда онъ состарѣется и умретъ, то

однимъ честнымъ труженикомъ будетъ меньше.

А мы будемъ сидѣть у камина, смотрѣть, какъ горятъ добытые имъ уголья, и грѣться. И едва-ли вспомнимъ, съ какимъ тяжкимъ трудомъ они добыты.

Бобъ.

Лампа, шапка, кирка и значки съ цифрами для углекопа.

ВЕСНА ИДЕТЬ!

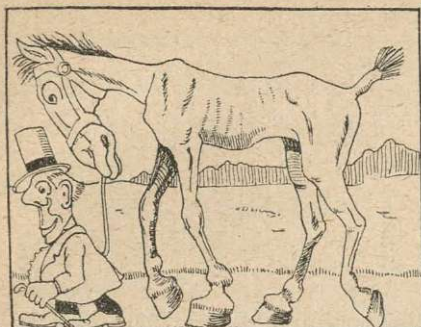
Ужъ капать стало... Хоть и выюга
Иной разъ снѣжная пройдетъ,
А все-жъ тепломъ въ васъ вѣтъ съ юга...
Весна идетъ, весна идетъ!

Ужъ побурѣли прудъ и рѣчка,
Ужъ слабымъ сталъ сквозистый ледъ.
И утромъ не горитъ ужъ свѣчка,
Свѣтло, свѣтло... Весна идетъ!

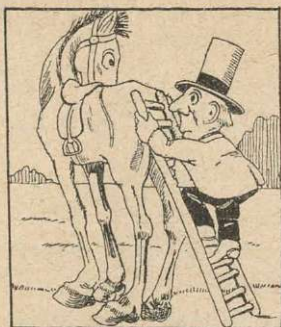
Кричатъ грачи, мычатъ коровы,
Пѣтухъ ужъ цѣлый день поетъ,
Идетъ весна, несетъ обновы,
Весна идетъ, весна идетъ!

Поютъ скворцы... А тамъ ужъ слышно,
Что шелъ ужъ дождь, что выгнать
скоть...
Идетъ весна, идетъ къ намъ пышно,
Весна идетъ, весна идетъ!

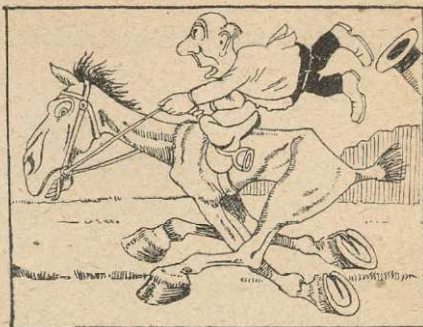
Кузнечикъ.

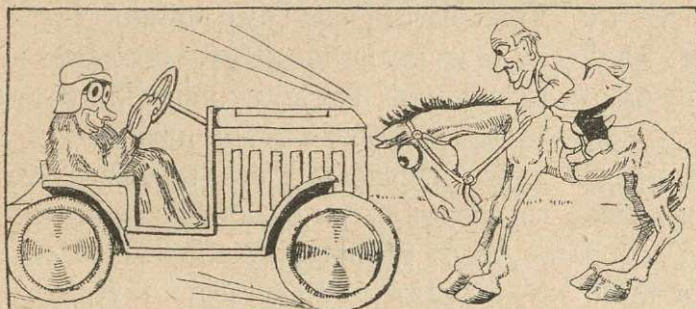
1) У одного низенького господина была очень высокая лошадь, —

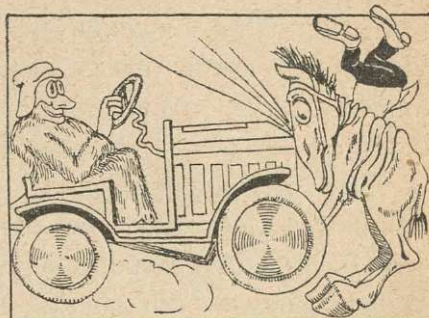
2) такъ что ему приходилось влѣзать на нее по лѣстницѣ.

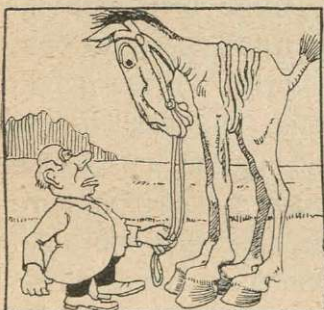
3) И когда лошадь бѣжала, то онъ въ полномъ смыслѣ слова леталъ по воздуху.

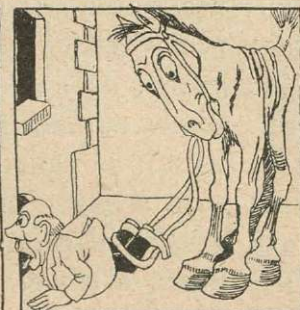
4) Однажды лошадь встрѣтилась съ автомобилемъ.

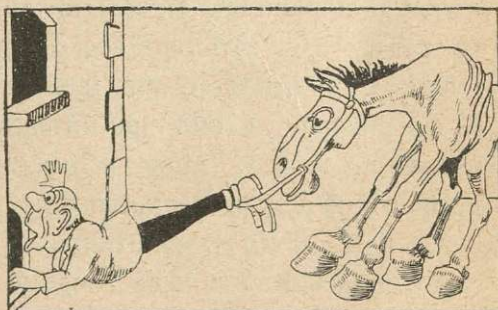
5) Столкновение было неизбежно. Автомобиль ударил лошадь прямо въ лобъ.

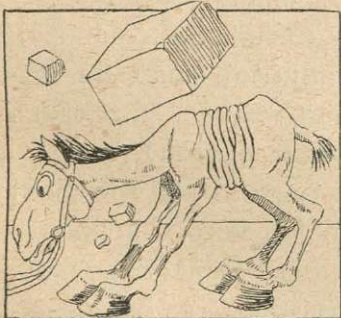
6) Ударъ былъ такъ силенъ, что лошадь сплюснлась вдоль.

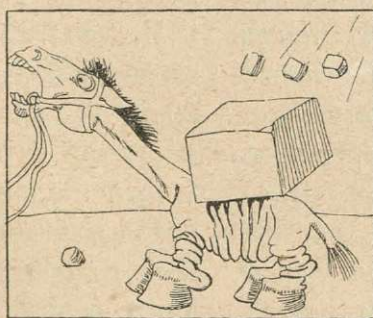
7) Ея хозяинъ запутался въ поводъ ногами и упалъ.

8) Лошадь хотѣла поднять его и стала тянуть его за ноги. Отъ этого ноги у ея хозяина вытянулись и онъ сталъ длиннѣе.

9) Но когда лошадь тянула, то домъ, за который держался хозяинъ, пошатнулся и съ него свалился громадный камень.

10) Онъ ударилъ лошадь прямо по спинѣ и сплюснулъ ее сверху внизъ.

11) И случилось какъ разъ наоборотъ: хозяинъ сталъ длиннымъ, а его лошадь коротенькой.

ПОДРУГИ.

(Повѣсть).

I.

Вѣрочка Игнатѣва ужасно обрадовалась, когда мама сообщила ей, что въ началѣ іюля она повезетъ ее за границу на морскія купанья въ Беркъ. Но когда она на самомъ дѣлѣ пріѣхала туда, то радости ея не было конца.

Было это уже послѣ полудня. Когда омнибусъ доставилъ ее съ вокзала въ гостиницу и прямо передъ собой она увидала обширный песчаный берегъ, по которому одна за другой катились волны, она была такъ удивлена и поражена, такъ растрогала ее видъ моря, что она, всегда такая чуткая и нервная, стала плакать.

До сихъ поръ она еще ни разу въ жизни не видала моря и не знала всей его красоты. Родившись въ Москвѣ, гдѣ служилъ ея отецъ и гдѣ она училась въ гимназіи, она не бывала больше нигдѣ, если не считать тѣхъ поѣздокъ, которыя она совершала къ своей бабушкѣ въ усадьбу въ Калужскую губернію. И теперь рѣшено было, что вся семья проведетъ у бабушки цѣлое лѣто, но здоровье Вѣрочки заставило перемѣнить всѣ планы. Она вовсе не была больна, но щеки ея были блѣдны, она замѣтно худѣла. Она какъ-то сразу вытянулась для своихъ десяти лѣтъ, почти перестала ѣсть. Пригласили

доктора, онъ осмотрѣлъ Вѣрочку и сказалъ ея мамѣ:

— Повезите-ка вы эту дѣвочку къ морю. Пусть она тамъ побѣгаетъ голыми ножками по песку, поболтается въ морской водѣ, пусть побѣгаетъ тамъ на свободѣ—и не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ, какъ вы привезете ее назадъ толстенькой и румяной.

Долго рѣшали, куда ѣхать. Папа совѣтовалъ отправиться въ Крымъ, но тамъ очень каменистые берега и большой прибой волнъ, такъ что негдѣ бѣгать голыми ножками по песку. И послѣ долгихъ переговоровъ, аховъ, оховъ, сомнѣній и предположеній остановились наконецъ на поѣздкѣ за границу. Стали подсчитывать время и деньги и оказалось, что въ Беркъ скорѣе доѣдешь, чѣмъ до Ялты, а самая жизнь заграничей во много разъ дешевле и интереснѣе, чѣмъ въ Крыму. Мама стояла за Балтійское море или за Францію.

И вотъ, простившись съ папой и съ двумя братьями-гимназистами, Вѣрочка усѣлась въ вагонъ и вмѣстѣ съ мамой отправилась въ путь.

Граница, пересадка въ нѣмецкій поѣздъ, затѣмъ Берлинъ, Парижъ—все это пролетѣло передъ Вѣрочкой, какъ чудный сонъ. И вотъ она на берегу Атлантическаго океана. Передъ

нею море, видѣть которое ей такъ хотѣлось и о которомъ она такъ мечтала.

Послѣ первыхъ порывовъ восторга, Вѣрочка принялась за устройство квартиры. Ея мама сняла въ гостиницѣ двѣ хорошенькія комнаты, расположенныя рядомъ и выходившія дверьми на одинъ и тотъ-же балконъ. Окна смотрѣли прямо на море и на широкій песчаный берегъ. Г-жа Игнатѣева нарочно помѣстилась сама въ большой комнатѣ и предоставила дочери маленькую, но Вѣрочку не веселили уже ни свѣжіе обои, ни муслиновыя занавѣски, ни бѣлая, чистая мебель. Все ея вниманіе приковывалъ теперь къ себѣ океанъ и она не хотѣла сходить съ балкона. А едва только была потрясена съ ея шляпы дорожная пыль, какъ она уже стала просить свою маму повести ее скорѣе на пляжъ, гдѣ по ласковому песку катились прозрачныя волны моря и гдѣ сотни дѣтишекъ бѣгали босякомъ и болтались въ водѣ. Но мама отказала.

— Мамочка, милая! воскликнула Вѣрочка.—Пройдемся только одинъ разъ и тотчасъ-же вернемся назадъ!

— Нѣтъ, милочка, отвѣтила ей мама.—Надо еще развязать сундуки, разложить все бѣлье и всѣ платья по мѣстамъ. А потомъ будетъ обѣдъ. Мы не выйдемъ сегодня.

— Неужели придется ждать до завтра? вздохнула дѣвочка.

— Да, придется... отвѣтила мама. Покончимъ сразу съ устройствомъ квартиры и тогда уже будемъ сво-

бодны хоть на цѣлый годъ. А выходитъ сейчасъ и не купаться—значило-бы только себя раздражать. Потерпи немного, это будетъ лучше. Увѣряю тебя.

Вѣрочка была совсѣмъ другого мнѣнія, чѣмъ ея мама, но не возразила ничего.

Нельзя сказать, чтобы ночь для Вѣрочки протянулась очень долго. Наоборотъ, уставъ отъ долгой ѣзды въ вагонѣ и опьянѣвъ отъ чистаго морского воздуха, къ которому она еще не привыкла, она скоро заснула и проспала, какъ убитая, до самаго утра. Но и утромъ она проснулась гораздо позже, чѣмъ просыпалась обыкновенно.

Открывъ глаза, она въ первую минуту не поняла, гдѣ она находилась, но потомъ, вспомнивъ о вчерашнемъ вечерѣ и услышавъ какой-то шумъ на берегу, она быстро вскочила съ постели.

— Мамочка, что это шумить? воскликнула она.

— А это море! отвѣтила мама.

— Неужели море?

И однимъ прыжкомъ Вѣрочка выпрыгнула изъ своей кровати и побѣжала къ окошку. Начиная отливъ и море волновалось. Шумъ, который она услышала, происходилъ отъ того, что волны одна за другой катились по берегу и разбивались о песокъ. Солнце ярко свѣтило и отливало серебромъ на темно-синихъ гребешкахъ волнъ, покрытыхъ пѣной, а все море казалось то синимъ, то

зеленымъ, а то сразу мѣняло свои цвѣта.

— Ахъ, мама, мама! воскликнула Вѣрочка въ восторгѣ.—Какъ здѣсь хорошо, какая красивая картина!

И позабывъ на радостяхъ, что она была босыкомъ и въ одной только ночной рубашкѣ, дѣвочка отворила

Вѣрочка выбѣжала на балконъ.

дверь и выбѣжала на балконъ. Передъ нею была широкая, полная красоты панорама моря и Вѣрочка увидела волны, бѣлые паруса рыбачихъ лодокъ и кораблей и длинную полосу черного дыма на горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ показаться пароходъ.

Она такъ-бы и не вспомнила о себѣ при видѣ всей этой красоты, если бы не вошла мама и не напомнила-бы ей, что нужно одѣться. Но Вѣрочка

долго упиралась. Тогда мама показала ей на дѣтей, которыя, не смотря на ранній часъ утра, уже весело плескались на берегу въ водѣ, и сказала:

— Если ты не хочешь одѣваться сейчасъ-же, то ужъ послѣ пеняй на себя: отливъ уже начался и скоро вовсе нельзя будетъ купаться. Море быстро уйдетъ отъ берега!

— Да оно уже уходитъ! воскликнула Вѣрочка.— Оно уже уходитъ! Неужели я его не увижу! Скорѣе, мамочка! Пожалуйста, скорѣе!

И она стала одѣваться съ такой быстротой, на какую раньше была совсѣмъ не способна. А ея мать стояла тутъ-же и весело улыбалась, глядя на эту перемѣну въ ея дочери.

Скоро Вѣрочка была готова и обѣ онѣ вышли на пляжъ.

И какова была ея радость, когда она такъ близко увидела море, когда ея ноги ступили на мягкій, нѣжный песокъ и когда передъ ней развернулась вдругъ красивая картина всего берега, уходившаго изъ края въ край, съ его купальщиками, пловцами и съ ребяташками, изъ которыхъ одни бѣгали, забавлялись и танцевали прямо въ водѣ, другія брызгались и плескались, а третьи кричали и визжали, боясь прохладной воды.

А затѣмъ, когда море стало удаляться, какъ пріятно было Вѣрочкѣ слѣдить за его уходомъ, идя за нимъ шагъ за шагомъ, а потомъ бросаться со всѣхъ ногъ и удирать, когда оно вновь ненадолго возвращалось къ берегу назадъ и своею бѣлою пѣной

смачивало кончики ея желтыхъ башмаковъ! И съ какимъ удовольствіемъ Вѣрочка поднимала съ песка еще влажныя маленькія ракушки и розовыя и желтыя, блестящія раковины и эти длинныя морскія животныя, которыхъ такъ боятся въ первое время дѣти въ водѣ!

Сѣвши на складной стулъ, г-жа Игнатѣева глядѣла на свою дочь и радовалась тому, что она была такъ счастлива и что ея щеки стали замѣтно розовѣть отъ благодѣтельнаго морского воздуха.

А время шло, да шло...

— Ну, Вѣруся, сказала наконецъ г-жа Игнатѣева,—пора и домой. У меня еще столько дѣла на сегодня, что все и не передѣлаешь: надо сходить къ доктору и поговорить насчетъ морскихъ купаній, которыя ты начнешь съ завтрашняго дня; потомъ нужно тебѣ сдѣлать купальный костюмъ, купить что-нибудь непромокаемое, чтобы ты могла бѣгать босякомъ по мокрому песку и плескаться въ водѣ.

— Какъ, мамочка? воскликнула Вѣрочка.—Ты позволишь мнѣ бѣгать босыми ногами прямо по песку, какъ и всѣ дѣти?

— Ну, конечно, отвѣтила мать съ улыбкой.

— Вотъ хорошо! И я не простужусь?

— Не простудишься.

— И буду ходить прямо по водѣ?

— И будешь ходить прямо по водѣ.

— И ловить маленькихъ рыбокъ и раковъ?

— Сколько угодно.

— Вотъ отлично! Мамочка, какая ты добрая и какъ я тебѣ благодарна, что ты меня сюда привезла!

И Вѣрочка бросилась на шею къ матери и стала крѣпко ее цѣловать.

II.

— Скорѣе, Вѣрочка! Вставай, засоня! Уже восемь часовъ! сказала на слѣдующее утро г-жа Игнатѣева, насилиу разбудивъ свою дочь, которая какъ легла вчера спать, возвратившись вечеромъ съ моря, такъ и проспала до самаго утра.—Пора идти купаться!

Вѣрочка быстро вскочила съ кровати и, все еще съ сонными глазами, заспѣшила одѣваться. Ея мать, которая тоже одѣвалась въ это время, увидавъ, что она налила себѣ полный тазъ воды и стала такъ обливаться, что было похоже на морской прибой, сказала ей:

— Смотри, въ этомъ тазу не утони! Это заставило дѣвочку смѣяться.

— Нѣтъ, отвѣтила она,—я все еще никакъ не могу проснуться и вотъ окачиваю себя водою!

Десять минутъ спустя, мать и дочь уже были на пляжѣ. Г-жа Игнатѣева наняла на цѣлое лѣто кабину и теперь Вѣрочкѣ есть гдѣ раздѣваться. Она забралась въ эту кабину, сняла съ себя бѣлое фланелевое платье, подобрала волосы подъ каучковый чепецъ, надѣла на себя купальный костюмъ и въ первый разъ въ жизни

рискнула ступить на мокрый песокъ прямо голыми ногами, совсѣмъ бѣлыми въ сравненіи съ ногами другихъ дѣтей, загорѣвшихъ отъ солнца и отъ морского воздуха, какъ корка ржаного хлѣба.

И вотъ дѣвочка у самой воды. Ея мать пригласила купальщика, который

Вѣрочка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

наблюдаетъ за безопасностью дѣтей, чтобы онъ ее провель. Вѣрочка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ: онъ былъ одѣтъ въ рыжій парусиновый костюмъ, на головѣ у него была кожаная шляпа и на шеѣ росла большая борода, тогда какъ подбородокъ и верхняя губа были чисто выбриты и были голы.—Его большія,

мозолистые руки производили на нее непріятное впечатлѣніе, но такъ какъ она все еще боялась моря, то и не вырывала изъ нихъ своей руки. Купанье показалось ей очаровательнымъ, хотя прежде чѣмъ войти въ воду, она испытала маленькую дрожь.

На небѣ ни облачка, солнце ярко свѣтитъ и море такъ тихо, что тѣ волны, которыя поднимаетъ иногда маленькій вѣтерокъ, не кажутся страшными. Купальщикъ беретъ Вѣрочку покрѣпче за руку, и они храбро входятъ въ прибой. И такъ пріятно идти черезъ эти бѣлые гребешки волнъ берегового прибоя и чувствовать у голыхъ ногъ все поднимающуюся и поднимающуюся воду! Но вотъ волна достигаетъ уже до самыхъ колѣнъ и Вѣрочка чувствуетъ, какъ у нея захватываетъ дыханіе. Вотъ еще и еще! А вотъ такая волна, что хлещетъ ей прямо въ грудь. Дыханіе у нея становится глубокимъ и прерывистымъ, какъ у всѣхъ, не привыкшихъ входить въ глубокую воду, и дѣвочкѣ становится страшно. Тогда купальщикъ беретъ ее на руки и, выждавъ, когда подкатилась еще одна такая-же волна, подставляетъ подъ нее дѣвочку и ее окатываетъ всю съ ногъ до головы. Вода попадаетъ ей въ лицо, въ глаза, въ уши, это продолжается не долѣе одной секунды, но она испытываетъ съ непривычки такой страхъ, что громко вскрикиваетъ и бросается купальщику на шею. Привыкшій къ такимъ случаямъ, онъ старается ее успокоить.

— Ничего, барышня, не бойтесь, говоритъ онъ.—Море не злое, оно васъ не обидитъ, развѣ только намочитъ немножко. А если вамъ не нравится, что васъ немножко помочили волны, такъ извольте: какъ только подойдетъ еще такая-же волна, то я сдѣлаю такъ, что вы черезъ нее перескочите. Хорошо?

Но Вѣрочка умирала отъ страха; ей казалось, что она вотъ-вотъ погибнетъ, и ей хотѣлось поскорѣе спастись, плакать, кричать... А ея мама, сидѣвшая невдалекѣ на берегу и глядѣвшая на нее, весело смѣялась. Значитъ, опасности не было никакой, къ тому-же и всѣ другія ребятишки бѣгали вокругъ нея по волнамъ, весело играли въ самомъ прибоѣ и всякій разъ, какъ приближалась каждая новая волна, радостно ее встрѣчали. И Вѣрочкѣ неловко было кричать или плакать и стыдно было передъ этими дѣтьми.

Увидѣвъ, что она боится, нѣсколько дѣвочекъ подбѣжали къ ней и протянули ей руки.

— Давай руку, дѣвочка, обратилась онѣ къ ней,—мы будемъ всѣ вмѣстѣ плясать хоромомъ.

Но она не могла. Она уцѣпилась въ своего купальщика и не выпускала его шеи изъ своихъ объятий.

— Не сегодня, не сегодня, барышни... отвѣтилъ онъ за нее.—Сегодня намъ страшновато... Мы вошли въ море только въ первый разъ. Намъ пора и на бережокъ...

Вѣрочка ничего не возразила на

это, онъ вывелъ ее изъ воды и она уже побѣжала далѣе по пляжу одна.

Ожидавшая ее мать набросила ей на плечи теплую шаль.

— Ну? спросила она ее.

— Ахъ, отвѣтила Вѣрочка,—мнѣ все еще страшно! Я больше никогда не пойду въ море!

Она громко вскрикиваетъ и бросается ему на шею.

— Хорошо, хорошо, ужъ тамъ увидимъ, спокойно отвѣтила ея мать.— Ты боишься потому, что не ожидала того, что пришлось тебѣ испытать. А завтра ужъ дѣло пойдетъ на ладъ и скоро ты такъ-же будешь здѣсь рѣзвиться, какъ и всѣ другія дѣти...

Возвратившись въ гостинницу, Вѣрочка скоро оправилась отъ своихъ тревоженій, а затѣмъ въ одиннадцатъ

часовъ всѣхъ позвали завтракать. Завтракали въ большой залѣ гостиницы и когда усѣлись за столъ, то Вѣрочка тотчасъ-же узнала за нимъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя утромъ приглашали ее на хороводъ. Она дѣйствительно не ошиблась, потому что ясно услышала, какъ одна изъ дѣвочекъ, тоже русская, обратилась потомъ къ своей мамѣ и сказала:

Завтра моя Вѣрочка будетъ среди васъ.

— Мама, вотъ та дѣвочка, которая боялась сегодня моря.

Вѣрочка покраснѣла и опустила глаза.

А когда кончился завтракъ и всѣ вышли опять на берегъ, то г-жа Игнатѣва, которой хотѣлось подыскать для своей дочери подругу, подошла къ этой дѣвочкѣ, и спросила:

— Кажется, это ты приглашала сегодня мою дочь играть?

— Да, отвѣтила дѣвочка и сдѣлала реверансъ.—Мы хотѣли играть въ хороводъ, это такъ весело!

— Я вполне это понимаю и надѣюсь, что уже завтра моя Вѣрочка будетъ среди васъ... А сегодня она только въ первый разъ входила въ воду и потому боялась.

— Это всегда такъ бываетъ, отвѣтила дѣвочка,—когда только еще начинаешь морскія купанья; а затѣмъ привыкаешь и такъ бываетъ весело потомъ болтаться въ водѣ! Даже еще веселѣе, чѣмъ играть на пескѣ.

— Въ особенности въ большой компаніи!

— Но почему-бы вашей дочери не присоединиться къ нашимъ дѣтямъ сейчасъ? вступила въ ихъ разговоръ мама этой дѣвочки.—Ихъ сейчасъ здѣсь цѣлое общество и всѣ они рѣзвятся отъ души. Иди, Катя, познакомься съ твоей новой подругой, спроси, какъ ее зовутъ!

— Вѣрочка... отвѣтила за дочь г-жа Игнатѣва.

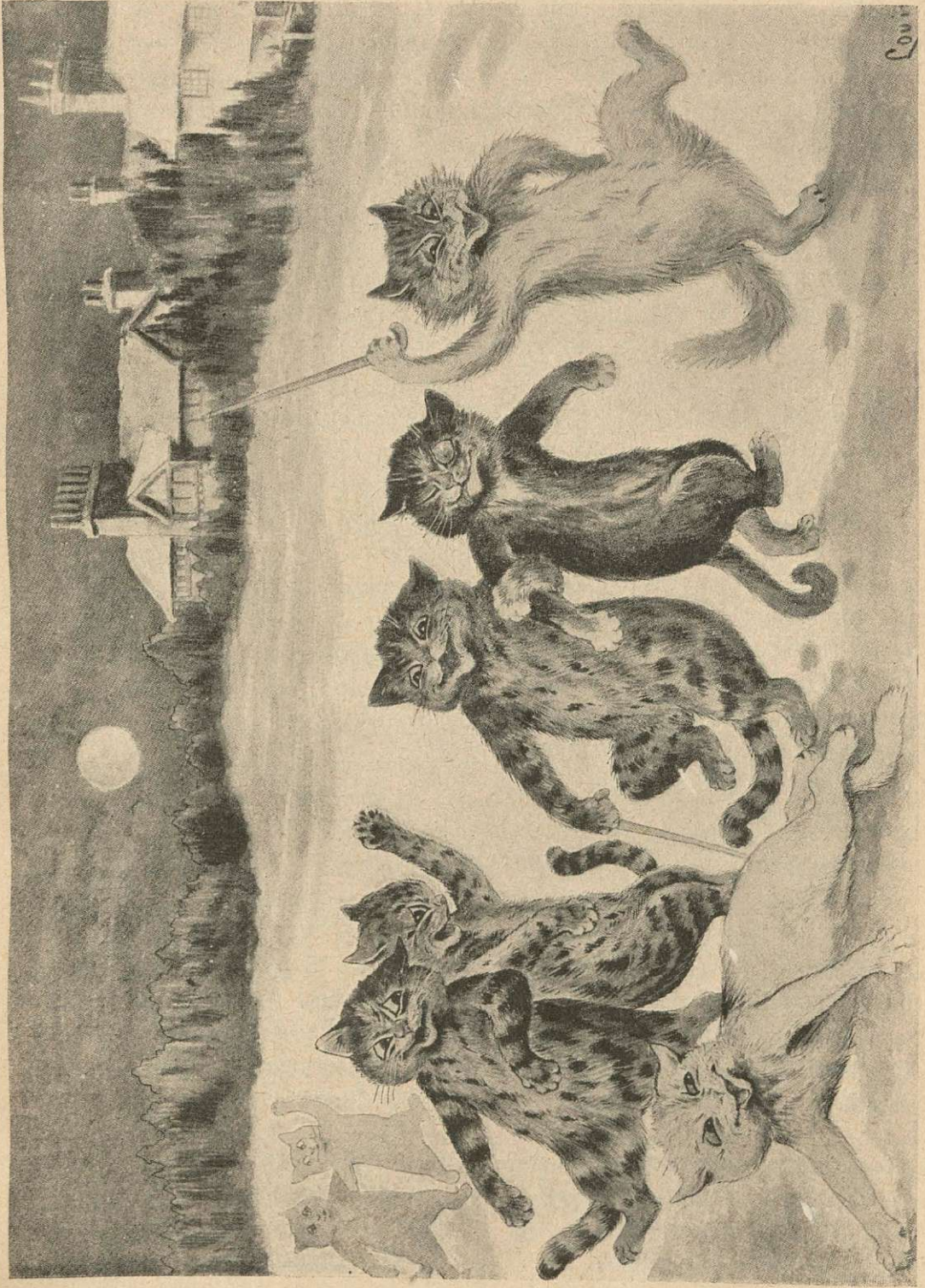
Дѣвочки протянули другъ другу дружкѣ руки.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросила Катя Вѣрочку.

— Десять... отвѣтила та.

— Мнѣ тоже... А вотъ Солянжѣ одиннадцать.

И она указала на другую свою подругу, французенку, стоящую нѣсколько поодаль.

Мы не пойдемъ спать до утра!

— Иди сюда, обратилась она къ ней.—У насъ новая подруга.

Солянка подошла.

— Какъ твоя фамилія? спросила она Вѣрочку.

— Игнатѣева...

— А моя Блюмецъ... Солянка Блюмецъ...—Я французенка, хотя мой папа былъ испанецъ.

— Моя фамилія—Гарденина, сказала Катя.—Вы гдѣ всегда живете?

— Въ Москвѣ... отвѣтила Вѣрочка.

— А мы въ Петербургѣ! сказала Катя.—Въ Петербургѣ лучше, чѣмъ въ Москвѣ.

— Ну, ужъ оставьте! воскликнула Солянка.—У насъ въ Парижѣ гораздо лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь во всемъ свѣтѣ! Такъ идемте-же играть! Чего терять время!..

Дѣвочки познакомились и пока такимъ образомъ разговаривали между собой, ихъ матери тоже обмѣнялись привѣтствіями и всѣ вмѣстѣ отправились на пляжъ.

Съ этого дня Вѣрочка вошла въ компанію ребятшекъ, игравшихъ на берегу и оглашавшихъ весь Беркъ своими смѣхами и крикомъ. Она познакомилась почти со всѣми дѣтьми, но ея подругами все-таки оставались эти двѣ дѣвочки, съ которыми она познакомилась въ первый разъ и которыя жили въ той-же самой гостиницѣ, гдѣ и она.

Но, правду сказать, эти дѣвочки, большія проказницы и насмѣшницы, не казались г-жѣ Игнатѣевой именно такими, какихъ подругъ она желала для своей дочери. Онѣ были пусты, тщеславны и себялюбивы, но она не придавала этому большого значенія, такъ какъ знакомство это было только на время и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ-полтора всѣ должны были разъѣхаться по домамъ и забыть другъ о другѣ навсегда.

Н.

(Продолженіе будетъ).

КУКЛА.

Сегодня Таня весела,
Весь день играетъ съ куклой новой!
Въ браслетахъ, въ ленточкѣ лиловой,
На диво куколка мила.

Нѣтъ въ мірѣ краше и нѣжнѣй
Такой фарфоровой малютки:
Синѣютъ глазки-незабудки,
И щеки—яблочка краснѣй.

Капризовъ въ куклѣ ни слѣда,
Она послушна, не упряма,
Лепечетъ кротко: «папа», «мама»!
Глядитъ привѣтливо всегда.

Танюша радости полна
И, глядя шелковыя букли,
Тихонько шепчетъ милой куклѣ:
«Какъ ты пригожа и умна»!

М. П.

КОРОВУ КУПИЛИ.

Ксения и Родя очень болѣзненные дѣти, блѣдные, худенькія. Докторъ велѣлъ имъ пить какъ можно больше молока, ѣсть хорошо пропеченный хлѣбъ, густо намазанный масломъ, и каждый день выпивать по полстакана сливокъ.

— Ну, ужъ, барыня, какое молоко въ Петербургѣ! — возмущалась кухарка Матрена, очень любившая Ксению и Родю. — Одна слава, что молоко: жидкое, синее! А сливки? — Да развѣ такія сливки у насъ въ деревнѣ? — Здѣсь цѣльное молоко за сливки продаютъ, а снятое молоко за цѣльное, да еще и воды подбавляютъ. — Знаете, что я вамъ, барыня, скажу? — И подперевъ щеку рукой и жалостно поглядывая на барыню, Матрена продолжала:

— Не обезсудьте мое слово глупое! А будь я на вашемъ мѣстѣ, непременно-бы я корову свою для дѣтокъ завела... Домъ у васъ свой. Въ конюшнѣ стойло одно пустое стоитъ, вотъ и мѣсто есть для коровушки! А ужъ я бы за ней поухаживала. Страсть люблю за коровушками ходить!

И Матрена вслухъ стала мечтать, какъ бы она чисто держала всѣ подойники, крынки и тряпочки.

— Коровушка любитъ чистоту — разсуждала Матрена. — А пойло она любитъ съ отрубями, да съ ржаной

мучкой. Вотъ у васъ хлѣба много остается, я ей въ пойло кусковъ набросала-бы... Коровушка сѣна поѣсть вволю, пойло выпьетъ, будетъ толстая, здоровая. Молоко у нея будетъ густое, вкусное...

Мама выслушала Матрену, ничего ей не сказала, а вечеромъ долго сошѣтовалась о чемъ-то съ папой.

Дня черезъ два Ксения и Родя гуляли на дворѣ. Погода стояла хорошая. Весь дворъ былъ освѣщенъ солнцемъ. Съ крышъ капала вода. Изрѣдка съ шумомъ падала на землю ледяная сосулька и разбивалась въ мелкія дребезги.

— Давай, Ксения, сшибемъ съ крышъ всѣ сосульки до одной! — предложилъ Родя и взялъ было въ руки палку, да такъ и замеръ на мѣстѣ.

Ворота широко распахнулись, и во дворъ вошелъ какой-то мужикъ, ведя за собой на веревкѣ красивую большую черную корову съ бѣлой звѣздочкой на плоскомъ и широкомъ лбу.

— Гдѣ тутъ у васъ дворникъ? — обратился онъ къ дѣтямъ. — Пусть покажетъ, куда корову поставить! — Но на встрѣчу ему ужъ спѣшила сама Матрена.

— Ахъ, ты моя красотка ненаглядная! — заголосила она, всплеснувъ руками, и стала причитать:

— Ну, ужъ и коровушка! Одно заглядѣнье! — Ужъ и такая-то, и ся-

кая-то. А дѣти стояли тутъ-же и не понимали, въ чемъ дѣло.

Обнявъ корову за толстую шею, Матрена звучно чмокнула ее въ самыя губы.

— Ахъ, ты моя красотка!—воскликнула она.

— Ну ужъ и красотка!—сказала Ксения.— Не красотка, а уродъ!—Тупловище большое, неуклюжее, кожа виситъ, а хвостъ до самыхъ пятокъ болтается: изо рта слюна течетъ!—Фи!

— И-и, матушка!—остановила ее Матрена.—Вѣдь не человѣчья у нея красота-то, а коровья. Ты посмотри, глаза-то у нея какіе! Теперь у васъ всего вдоволь будетъ: и творожку, и сметаны, и масла.

И, захлопотавъ околы коровы, она повела ее въ конюшню.

Въ тотъ же день послѣ обѣда дѣти пошли уже съ папой посмотреть на корову. Чернуха была привязана за рога, ничего передъ ней не было, а она жевала во весь ротъ, двигая нижнею челюстью вправо и влево.

— Папочка, что это она жуетъ?—удивились дѣти.—Вѣдь передъ нею ѣды вовсе нѣтъ!

— А вы присмотритесь, да прислушайтесь хорошенько,—отвѣтилъ папа.

Корова проглотила свою ѣду, потомъ внутри ея послышался какой-то звукъ, какъ будто она икнула; вверхъ по ея шеѣ поднялся какой-то шарикъ, и она опять начала жевать. Дѣти съ недоумѣніемъ посмотрѣли на отца. Тотъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Пойдемте, дѣтки, домой, я тамъ вамъ все объясню про корову. Здѣсь холодно!

Дома папа раскрылъ какую-то книгу и показалъ дѣтямъ какой-то странный рисунокъ.

— Что это?—съ недоумѣніемъ спросилъ Родя, внимательно посмотрѣвъ на рисунокъ.

— Это рисунокъ желудка коровы, началъ папа.— Вотъ посмотри: въ немъ четыре отдѣленія: первое называется—рубець. Корова почти не жуетъ траву, которую срываетъ, а глотаетъ ее сразу. Трава попадаетъ именно сюда, въ рубецъ, здѣсь размягчается и проходитъ далѣе во второе отдѣленіе, которое называется сѣткой.

— Какое смѣшное названіе «сѣтка»,—улыбнулась Ксения.

— Да,—отвѣтилъ папа.— Это оттого такъ назвали его, что стѣнки внутри его похожи на сѣтку. Въ сѣткѣ пища скопляется большими количествами и уже маленькими комками проскакиваетъ отсюда обратно въ ротъ. Каждый комокъ корова долго и старательно пережевываетъ вновь. Во рту эти комки смѣшиваются уже со слюной и превращаются въ полужидкую массу, которую корова проглатываетъ вторично. Тогда изъ сѣтки появляется другой комокъ, корова начинаетъ пережевывать и его и такъ почти всю ночь, пока не пережуетъ всю пищу находящуюся въ сѣткѣ, и не проглотитъ ее вновь. Эта пища и называется жвачкой. Корова—жвачное животное.

— Значить, корова ночью жуесть ту траву, которую днем щипала?—спросила Ксения.

— Да, отвѣтилъ папа,—и если она ночью не жуесть, значитъ, она нездорова.

— А куда жвачка опять проваливается?—спросилъ Родя,—въ рубецъ или въ сѣтку?

— Нѣтъ, продолжалъ папа. — Жвачка проskalъзываетъ прямо въ третье отдѣленіе, называемое книжкой.

— Книжка, книжка! ха, ха, ха!—расхохотались вдругъ дѣти.

— Она съ картинками или безъ картинокъ?

— Чего же вы смѣетесь?—сказалъ папа.— Третье отдѣленіе дѣйствительно похоже на книжку, съ такими-же листами, какъ у книжки.

— Ну-съ, а четвертое отдѣленіе называется—сычугъ. Въ книжкѣ и въ сычугѣ пища переваривается окончательно, обращается въ жидкую массу, и переходитъ въ кишки. Такъ-же устроенъ желудокъ у овцы, у козы, у оленя, и у всѣхъ животныхъ съ раздвоенными копытами.

Въ эту минуту вошла въ комнату Матрена, держа въ одной рукѣ боль-

Насилу поймали.

шую крынку парного молока, а въ другой—тарелку съ ломтями чернаго хлѣба.

— Ты, что?—спросилъ ее папа.

— И-и, баринъ! Ужъ такая корова, что и сказать нельзя! Больше двѣнадцати бутылокъ въ день молока не дастъ, за то молоко-то густое, вкусное — что сливки! — Идите-ка, дѣтки, парного молочка съ хлѣбушкомъ похлепать!

Дѣти вскочили изъ-за книги, которую показывалъ имъ отецъ, налили себѣ полныя тарелки молока, накрошили туда хлѣба и съ аппетитомъ съѣли все. Папа глядѣлъ, глядѣлъ на нихъ, да принялся за молоко и самъ.

— Теперь мы и сливокъ настоимъ, и сметанки приготовимъ, мечтала Матрена, пока они ѣли,—масла, творогу сдѣлаемъ, а, коли хватить молока, такъ и сыръ свой у насъ будетъ.

— Кто же все это будетъ дѣлать?—спросилъ папа.

— А я-то?—приосанилась Матрена.—Я, баринъ, съ малыхъ лѣтъ около коровы жила. Всего насмотрѣлась въ деревнѣ. У насъ штукъ семь коровъ было, да померъ отецъ, все прахомъ пошло...

Дня черезъ два Ксения и Родя сидѣли въ классной и разсматривали зоологическій атласъ. Мама рассказывала имъ про разныхъ животныхъ.

Вдругъ въ дверь просунулась голова Матрены. Видя, что барыня сидитъ къ ней спиной, Матрена стала дѣлать дѣтямъ какіе-то таинственные знаки. Дѣти встрепнулись и бросились разомъ къ мамѣ.

— Мамочка, милая, позволь намъ въ кухню идти!—въ одинъ голосъ заговорили они.

— Въ кухню?—удивилась мама.— Зачѣмъ? Что вамъ тамъ дѣлать?

— Мамочка! Насъ Матрена зоветъ смотрѣть, какъ она будетъ творогъ дѣлать!

— Ну, идите!—сказала мама. Только не подлизывайте тамъ и Матренѣ не мѣшайте.

Дѣти не дослушали, и стремглавъ бросились въ кухню.

Въ чистомъ передникѣ и съ засученными рукавами Матрена снимала съ полки крынки и бережно устанавливала ихъ на столъ.

Дѣти присѣли около печи и, прижавшись другъ къ другу и широко раскрывъ глаза, съ интересомъ стали смотрѣть, что будетъ дѣлать Матрена. А Матрена взяла въ руки стеклянный молочникъ и осторожно сняла ложкой съ одной крынки сливки. Снятое молоко она перелила въ котелокъ и поставила на плиту кипятиться.

— Сегодня къ обѣду я вамъ манную кашу на этомъ молокѣ сварю—объяснила она дѣтямъ.

Отставивъ сливки къ сторонѣ, она принялась за другія крынки.

— А вотъ это простокваша... сказала она.

— Какъ же ты ее приготовила? *

— Да она сама приготовилась!—усмѣхнулась Матрена.—Поставила я третьяго дня крынки не въ погребъ, а на полку въ теплое мѣсто, молоко скисло, а сливки, что отстоялись на немъ за два дня—сметаной стали. Сметану-то я сняла, а подъ нею простокваша оказалась. Страсть вкусно будетъ съ чернымъ хлѣбушкомъ да съ сахаромъ покушать!

— А ну-ка, дай я попробую!.. сказалъ Родя.

— Послѣ, послѣ, за обѣдомъ! отвѣтила ему Матрена и оставила отъ него простоквашу.—Я только одну крынку простокваши вамъ и оставлю, продолжала она,—а остальные на

творогъ поставлю... А изъ творогу сдѣлаю вамъ завтра ватрушки съ изюмомъ!

— А, ватрушки! Вотъ это хорошо! Я люблю ватрушки!—воскликнулъ Родя.

Ему уже сейчасъ захотѣлось ватрушекъ, и онъ сталъ ихъ даже мысленно жевать.

Матрена поставила крынки съ кислымъ молокомъ въ духовой шкафъ, а одну крынку съ цѣльнымъ молокомъ—стала кипятить.

— Зачѣмъ ты еще молоко кипятишь? спросила ее Ксения.

— Для варенца.

— А что это такое—варенецъ?

— Вотъ посидите еще, такъ увидите.

Пока молоко варилось, Матрена тщательно снимала съ него пѣнки. А когда оно покраснѣло, она сняла его съ плиты, пѣнки перетерла со сметаной, разболтала ихъ въ молоко и поставила на полку въ кухнѣ.

— Когда молоко это закиснетъ, сказала она,—мы его на холодокъ вынесемъ, вотъ вамъ и будетъ варенецъ! А потомъ скушаемъ въ свое удовольствіе, съ сахарцемъ да съ коричкою.

Послѣ этого Матрена сѣла сбивать масло. Она долго вертѣла скалкой въ горшкѣ все въ одну сторону, такъ что Ксеня и Родя это показалось даже очень скучнымъ. Они не стали дожидаться конца и ушли изъ кухни. Затѣмъ мама повела ихъ гулять. Всю дорогу они болтали о коровѣ и о молокѣ и вернулись домой веселые, розовые отъ свѣжаго воздуха и пообѣдали съ большимъ аппетитомъ. Послѣ

обѣда они опять побѣжали въ кухню и очень удивились, что Матрена все еще сбивала масло.

— Не сбивается? спросили они.

— Нѣтъ, уже начинается... отвѣтила Матрена.

Дѣти заглянули въ горшокъ. Тамъ дѣйствительно уже появились крупинки, которыя стали прилипать другъ къ другѣ, и образовали затѣмъ одинъ сплошной желтый кусокъ.

— Ну, вотъ вамъ и масло! сказала Матрена. Она промыла масло и выставила его на холодъ, а самую жижу изъ-подъ него слила въ крынку.— Это «пахтанье» сказала она.—Я спеку вамъ завтра на немъ пышки...

Проснулся на другой день Родя въ восьмомъ часу утра. Всю ночь ему снились пышки, масло и творогъ. Услышавъ, что въ столовой Матрена о чемъ-то разговаривала съ горничной, онъ окликнулъ ее:

— Матрена!

— Что ты, Роденька? отвѣтила она. Поспи.

— Творогъ уже готовъ?

— Нѣтъ еще, Роденька, сейчасъ буду дѣлать! Тебя поджидаю!

Родя сталъ торопливо одѣваться. Проснулась и Ксения. Услышавъ о творогѣ, она тоже стала одѣваться и меньше, чѣмъ черезъ полчаса, дѣти были уже въ кухнѣ.

Матрена вынула при нихъ изъ духового шкафа крынки, поставленные ею туда наканунѣ съ кислымъ молокомъ. За ночь оно свернулось въ творогъ. Матрена откинула творогъ на рѣшето, съ него сбѣжала сыворотка,

она сложила творогъ въ мѣшочекъ, туго завязала его и поставила на мѣшокъ сверху два утюга.

— Зачѣмъ же утюги-то ставишь?—спросила Ксения.

— А чтобы сыворотки побольше изъ него стекло. Творогъ лучше, коли его выжать хорошенько.

— А куда ты сыворотку дѣнешь?

— Въ пойло коровушкѣ солью, она любитъ сыворотку.

И, сваливъ въ сыворотку обрѣзки отъ картофеля и оставшіеся отъ обѣда крошки хлѣба, она собралась идти къ коровѣ.

Дѣти накинуди на себя пальтишки и пошли за ней. Они увидѣли какъ корова съ аппетитомъ выпила сыво-

ротку и какъ долго потомъ облизывалась, попадая кончикомъ языка прямо въ самыя ноздри.

И что ни день, то Матрена придумывала затѣмъ какое-нибудь новое кушанье изъ молока, изъ сметаны или изъ сливокъ. Ватрушки и пышки не сходили со стола. Бывало, дѣти за обѣдомъ капризничаютъ: того не хочу, этого не буду!—а теперь ѣдятъ за четверыхъ. И такъ поправились и пополнили, такъ у нихъ щечки порозовѣли, что папа и мама то и дѣло повторяютъ:

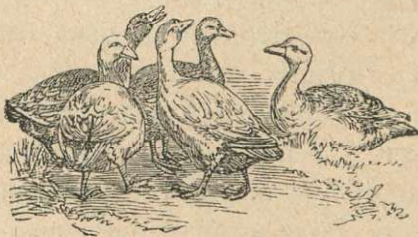
— Ай да Матрена! Вотъ ужъ дѣйствительно добрый совѣтъ подала! Спасибо ей!

В. О. Смѣльская.

❖ Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ шараду № 7 и ребусъ № 4, будутъ напечатаны въ слѣдующемъ №. За недостаткомъ мѣста Редакція не можетъ напечатать ихъ теперь. ❖

РЕБУСЪ № 5.

КИ

РИ

НУ

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ этотъ ребусъ, будутъ напечатаны).